

Вступление

(от лица Хашимото)

Утро четверга, накануне специального экзамена, — внеочередной выходной.

Вообще-то я из тех, кто засыпает быстро, но этой ночью сон почему-то не шел.

— А ведь бессонница вредна для организма... Ха-а...

Я наконец встал с постели и увидел в телефоне сообщение от Кито.

— По всей видимости, принцесса составила план.

Экзамен будет уже завтра, а верхушка класса собиралась на обсуждение только сейчас. Правда, обсуждение это должно быть только на словах, стратегию в подробностях разбирать не станут.

Сакаянаги всегда обдумывала все сама и действовала по собственной инициативе. А необходимый минимум сообщала только тем ученикам, которых использовала как руки и ноги.

— Блин...

Помимо сообщения от Кито пришли десятки от другого человека. От девушки, с которой я сейчас встречаюсь.

Помнится, вчера мы общались до позднего часа, но я выпал посреди разговора, так как тот казался бесконечно нудным.

«Куда пойдем в следующий раз?

Я хочу это, хочу то.

А что тебе нравится, а от чего нос воротишь.

Я хочу увидеться, мне одиноко».

Вот такого рода банальности.

[Прости, я уснул. Позволь загладить вину в следующий раз.]

Вместе с сообщением отправил миленький стикер, едва ли подходящий под мое настроение. Этого должно быть достаточно.

Если она станет слишком назойлива, брошу, но пока через нее можно добывать информацию. Неважно, какого класса, и насколько она пустяковая, чем ее больше, тем лучше.

Про девушку можно пока не вспоминать, однако остается Сакаянаги. Ведь именно она — главная причина моей бессонницы.

«Как вести борьбу на специальном экзамене? И что делать до этого?».

Экзамен в конце года приближался, и с каждым днем меня одолевало все большее беспокойство.

Будущий проигрыш Рьюэну в прямом столкновении, который обернется значительной переменой в классных очках.

Это то единственное, чего нужно избежать любой ценой. Выходит, я должен сделать все возможное, что от меня зависит?

Часть 1

Сакаянаги не подбирает время или место для встреч.

Караоке-залы или комнаты в общежитии, где можно избежать посторонних глаз? Специальный корпус или за спортивным залом, где всегда найдешь место для частных разговоров?

Хотя что толку переживать, Сакаянаги все равно не раскроет свои секреты.

Сегодня, как и в любой другой день, она собрала людей в самом оживленном кафе в торговом центре Кёяки.

Она, вместе с Камуро и Кито, сидела в любимом у посетителей месте и отменно проводила время.

— Прости, принцесса, чуток опоздал, — сказал я, не забыв обратиться к Сакаянаги с почтением. Затем сел на свободное место.

— Похоже, ты очень сблизился с одной девушкой?

— Ох, увидела нас где-то?

Если в прошлом году мне надо было присматривать за учениками класса А, то на втором году обращать внимание приходится и на кохаев. Наверное, я не усмотрел? Хотя нет, первогодка в коридоре для второгодок сильно бы бросился в глаза.

В таком случае... Остается тайная пешка, работавшая на наш класс с давних пор.

По большей части Сакаянаги использует меня, Камуро или Кито, но также ее временами снабжает информацией некто по телефону. Я как-то спрашивал невзначай, кто это, но прямо она не говорит. Вполне возможно, этот человек нас и застал.

Для себя я решил, что не стоит паниковать, если нас с девушкой увидят одноклассники, но другое дело, если это не случайность, а преднамеренная слежка.

— В вопросах любви спешить нельзя, поэтому очень прошу, не распространяйся об этом.

— Фу-фу, не буду.

— Ну и? О чем пойдет речь сегодня?

— Зачем спрашивать, если и так ясно, Масуми-чан?

— Прекрати. Не называй меня по имени.

— Прости-прости. Само получается, такая уж привычка.

— Какая еще привычка! Раньше ты не называл так уж часто.

— Зато в моем сердце ты всегда Масуми-чан.

— Мерзость.

Судя по всему, ей искренне не нравилось мое объяснение, и она была явно против того, чтобы я так обращался к ней.

Справедливо, на самом деле. Поменяйся мы местами, и противно было бы уже мне.

Но когда играешь шута, своеобразное обращение к людям дает свои плоды.

— Ну-с, принцесса, давай начинать. Я так понимаю, мы собрались по поводу специального экзамена?

— Экзамена? Нет, он тут ни при чем, Хашимото-кун. Сегодня у нас обычное чаепитие, — отвергла предположение Сакаянаги, точно насмехалась.

Я сделал вид, будто падаю со стула.

— Но для чаепития не надо было бы собирать всю верхушку, разве нет, принцесса?

— Это показное. Если ученики из других классов увидят, как класс А собрался для обсуждения стратегии, они начнут распространяться об этом, что обострит напряженность. Скорее всего, ради победы они приложат максимум усилий.

Какое «показное», что за бред?!

Я столько терпел, а в итоге она даже не хочет делиться информацией.

— Я не понимаю, какая от этого выгода. Объяснишь?

— Выгода есть. Три класса будут выкладываться на полную.

— И это выгода?..

Камуро отметила верно, это, скорее, минус, а не плюс.

Зачем держать людей в напряжении, когда надо бы усыпить их бдительность и придать самоуверенности?

— Вы разве не хотите в полной мере насладиться состязанием? Последние события, вроде школьного фестиваля и поездки, послужили неплохой передышкой.

Отдать приоритет наслаждению, даже если это снизит шансы на победу и поставит нас в невыгодное положение. До сих пор Сакаянаги как лидер класса действовала именно в таком духе. Тем не менее одноклассники терпели это, поскольку были результаты. Классные очки копятся стабильно.

Говоря иначе, ценность Сакаянаги упадет сразу, как только все это исчезнет.

Не понимаю, неужели никто кроме меня не видит, насколько будущее туманно?.. М-да.

Когда некое подобие чаепития закончилось, я пошел в уборную у восточного входа. Не затем, чтобы воспользоваться ей по назначению. И даже не для тайных встреч.

Такая у меня была привычка, которую никак не мог победить.

Я зашел в дальнюю кабинку, дверь закрыл на замок. Затем сел, не снимая брюк, на сиденье унитаза, крышка которого открывалась автоматически.

Уборные в торговом центре всегда держались в чистоте, не было никакого неприятного запаха.

Впрочем, мне все равно, даже если будет немного грязно и пахнуть.

Фоновая музыка в Кёяки была явно лишней, но я просто закрыл глаза и наклонился вперед, положив руки на колени.

Здесь я могу привести в порядок мысли.

Здесь я возвращаюсь к прежнему себе.

Это место дает бесценное убежище в школе, где укромных уголков очень и очень мало.

Поступив в «КоИку», я думал, что больше не придется шататься по туалетах, но от привычки в самом деле трудно избавиться.

Примерно тридцать минут я сидел, даже не прикасаясь к телефону.

— Пора возвращаться.

Убедившись, что поблизости никого нет — в том числе возле умывальников, — я встал, смыл воду, пошел помыл руки, высушил их и вышел из уборной.

— Вот это я понимаю, сходил по-большому.

— Ох, напугал. Долго стоишь?

Рьюен, прислонившийся к стене возле входа, держа в руках телефон, ухмыльнулся.

— Подумал узнать, как все прошло. Давай за мной.

— Ой, нет. Завтра специальный экзамен, не забыл? Если нас увидят, меня сразу замучают всякими подозрениями. Не мог поумнее что-нибудь придумать, например, договориться зайти в комнату?

— Если играешь невинного, играй до конца.

— Не неси чушь. Давай, только быстро.

Я не против самой встречи, но мне не нравится, когда меня застают врасплох. Особенно когда это делает Рьюен, понятия не имею, чего от него ждать.

Тем не менее, чтобы узнать о происходящем в его классе, без диалога никак. Сколь бурным не было море впереди, эту волну я оседлаю.

Часть 2

(от лица Аянокоджи)

Получилось так, что этот выходной я провел с Кей в торговом центре Кёяки, куда мы отправились еще утром.

Иногда она выражала беспокойство по поводу завтрашнего специального экзамена, но в целом казалась более-менее спокойной. Возвращаясь в общежитие, мы говорили о разных пустяках.

По дороге зазвонил мой телефон. Я посмотрел и обнаружил, что звонил Канзаки.

Кей стало любопытно, поэтому она тоже глянула, но стоило ей увидеть имя, как, потеряв интерес, достала уже свой телефон. Мы остановились, и я ответил на звонок.

— Да?

— Где ты сейчас? В комнате тебя вроде нет.

— Как раз возвращаюсь. У тебя ко мне какое-то дело?

— Если не против, можешь уделить время? Тут я и Ватанабе. Не побеспокоим?

Мы, конечно, могли перекинуться парой слов, когда пересекались, но чтобы прийти ко мне лично и без договоренностей — это было необычно.

— Скоро буду, передай также Ватанабе.

— Ладно. Мы подождем перед дверью?

Я согласился, и на этом разговор был окончен. В то же время Кей убрала свой телефон в карман.

— Что хотел Канзаки-кун? И я еще слышала что-то про Ватанабе-куна?

— Да, но я не знаю, что им надо. Вроде хотят поговорить о чем-то, и они уже стоят перед дверью. Мне жаль, но давай пока разойдемся.

— Ничего страшного. И все-таки, Киётака, разве вы были настолько близки?

— С Ватанабе я был в одной группе в школьной поездке. И в последнее время, можно сказать, мы часто пересекаемся.

— Во-о-от как? То есть у тебя появляется больше друзей, да? — восхищенно и радостно закивала Кей.

Мы вместе зашли в лифт, который поднял нас до четвертого этажа. Когда двери открылись, мы сразу увидели Ватанабе и Канзаки.

Заметив нас, Ватанабе махнул рукой.

— Ну пока, спишемся позже. А, и торопиться не надо.

С другом мужского пола — никаких проблем, временами даже полезно, — говорила улыбка на ее лице.

Кажется, с тех пор, как мы помирились, она стала более умиротворенной.

— Извини за внезапность. Наверное, вы хотели провести вдвоем весь день? — виновато спросил Канзаки, когда я подошел.

— Все нормально. И все же ваш визит необычен. Заходите, — пригласил я зайти внутрь, отперев дверь.

Стоило парням пройти в гостиную, как они изрядно удивились — быть может, дело в ярких красках или явном ощущении женской руки в комнате. Затем я показал гостям, где они могут сесть, и предложил чего-нибудь выпить. Когда оказался на кухне, Канзаки встал и подошел ко

мне.

— Такое дело, кое-кто не был уверен, что сможет прийти, поэтому попросили не говорить. Когда я написал, что мы встретились, они согласились. Извини за еще одну внезапность, ты не возражаешь, если к нам еще одна пара присоединится?

— Вот как. Ну, хорошо бы перед этим подготовиться. Кто должен прийти?

— Ичиносе и Амикура.

С тем, чтобы увеличить число гостей до четырех, проблем нет, чего не скажешь о самом составе.

Канзаки — реформист, так сказать, — пытается поменять Ичиносе и класс. А консерватор Ичиносе хочет сохранить нынешнее положение дел.

Тем не менее она, кажется, догадывается о его действиях и пристально за ним следит.

Или я придаю этому слишком большое значение? Не упомянуты те же Химено и Хамагучи, поддерживающие Канзаки.

— Общий план класса по специальному экзамену были сформулированы, но Ичиносе лишь хочет уточнить у тебя какую-то мелочь. Скорее всего, тебе с этого разговора не будет никакой пользы.

Канзаки выглядел виноватым, и в то же время я мог сказать, что он не в восторге от этой идеи.

— Я не против. А как в компанию затесались Ватанабе и Амикура?

— С Ватанабе случайно получилось: я столкнулся с ним по пути к тебе.

— Ага-ага, так получилось!

Он каким-то образом узнал, что придет Амикура, и поэтому напросился? Или я излишне недоверчив?

Так или иначе, расспрашивать не буду, поскольку не имею ничего против.

Чтобы скоротать время, мы поболтали о том, о сем, на фоне был включен телевизор.

Примерно спустя пятнадцать минут раздался звонок: как и ожидалось, пришли Ичиносе и Амикура. Судя по принесенному перекусу, они заходили в торговый центр Кёяки, чтобы купить гостинцы.

Закончив с приготовлением напитков, я принялся слушать.

— Канзаки-кун, скорее всего, уже сказал, но я очень хотела поговорить с тобой насчет специального экзамена, Аянокоджи-кун. Прости за срочность, ладно?

Судя по ее словам, визит тщательно спланировали, и он не был спонтанным.

— Я не против, и все же не хотелось бы разочаровать, но лидер не я. Если хочешь узнать о внутренних делах класса или выбранном курсе, тебе следует прямо обратиться к Хориките.

— Все в порядке. Мне скорее хочется услышать твое мнение о нас.

— Не торопись, — взял слово Канзаки. — Прежде чем ты переговоришь с Аянокоджи, позволь сказать кое-что.

— М-м? Что же?

— Если поднимешь тему о сговоре или чем-то таком, я буду категорически против.

Канзаки будто действовал на упреждение.

Его беспокоило вовсе не сотрудничество наших классов, о чем говорит подобранное слово «сговор».

— Тебя беспокоит, что я могу попросить уравнивать очки у всех четырех классов?

— Если откровенно, то да.

— Почему ты не упомянул об этом во время обсуждения с одноклассниками?

— Пускай я против, но до тех пор, пока ты — за, большинство тоже будет за. Не хочу проходить через это. Если бы обсуждение проводилось без меня, вариантов что-то сделать не особо много, но терпеть это в моем присутствии я не собираюсь.

Вот почему до сегодняшнего дня он не поднимал этой темы и избегал ее. Предположу, он мог бы высказаться против ей лично в более приватной обстановке, но у него, думаю, были свои причины сделать по-другому.

Раз я помогаю классу преобразиться, то встану на сторону «против». Должно быть, на это был расчет.

— Специальный экзамен ведь уже завтра? Не слишком ли поздно предлагать сговор четырем классам?

Очевидно, что речь пойдет не об этом, — говорила Амикура, сидящая рядом с Ичиносе.

Справедливое замечание, по логике было уже поздно, чтобы что-либо предпринимать.

— Будь у нас как у всех, то да. Но не удивлюсь, если Ичиносе до последней минуты будет думать, как бы уменьшить риск исключения одноклассников. Быть может, она изменит решение в самом конце, лишь бы защитить товарищей.

— Если есть шанс, что четыре класса смогут сговориться и сдать экзамен с равным количеством очков, то предложение стоит рассмотреть. Пускай мы лишимся классных очков, но если все их лишатся в равной степени, несправедливости не будет. Канзаки-кун прав, я до сих пор думаю над этой идеей.

— Как знал... Но так мы лишимся шанса подняться... — попытался возразить Канзаки, сильно забегаая вперед, но Ичиносе мягко перебила его.

— Не беспокойся. Я пришла к Аянокоджи-куну не для того, чтобы просить о сговоре. Если бы дело было в этом, логичнее было обратиться к Хориките-сан напрямую.

«Можешь успокоиться», — намекала Ичиносе. Но, скорее всего, у Канзаки останутся внутренние переживания. Стратегия, в которой акцент ставится на недопущение исключения, мало чем отличается от упомянутого сговора. Если заикнуться на защите своих товарищей, при том, что так поставишь себя в невыгодное положение, до победы можно не дойти.

Чтобы скрыть тревогу, Канзаки сделал вид, что успокоился, правда, вышло не очень правдоподобно.

— Тогда ладно. Извините, что вдруг вмешался в разговор. Со мной всегда так. Не умею по-другому. Постоянно доставляю неудобства.

Он извинился перед нами, в ответ я заверил его, что беспокоиться не о чем.

— Кстати, Канзаки-кун. Я смотрю, ты сильно сблизился с Аянокоджи-куном.

— Разве?..

— Да, это так! Раньше ты бы ни за что не раскрыл внутреннюю обстановку класса, даже сложишь у тебя свое мнение. Будь на его месте Хирата-кун или Канеда-кун, ты вел бы себя иначе, это точно.

Канзаки на замечание Ичиносе сделал вид, что ничего не понимает, но, вероятно, смысла в этом было мало. Когда Канзаки начал действовать вместе с Химено и Хамагучи, Ичиносе сообразила, что что-то происходит.

— Ну хватит обо мне, давайте вернемся к тому, зачем мы здесь.

Ичиносе улыбнулась и кивнула, затем выпрямилась и снова посмотрела на меня.

— Значит, почему я первым делом пришла к тебе, а не к Хориките-сан...

Я мысленно приготовился, но по итогу сказанное едва ли имело большое значение. Можно было сократить до того, что она хочет победить с друзьями и не хочет проигрывать. На такой разговор звать Канзаки, своего помощника, необходимости не было.

Канзаки слушал с напряженным лицом, но потом все-таки смог расслабиться.

Как с одним делом закончили, разговор перешел на темы, не связанные со специальным экзаменом.

Ватанабе активно поддерживал беседу, которая перетекла в оживленную встречу друзей.

Почти наступило шесть часов вечера, за окном начало смеркаться: Канзаки предложил разойтись, с чем все согласились.

Ичиносе и Амикура ушли первыми, затем Канзаки и Ватанабе.

— Ну и ну-у-у, все-таки сегодня весело посидели. А я-то сначала распереживался...

Ты так говоришь, потому что удалось поболтать с Амикурой? — спросил я взглядом, на что Ватанабе ответил улыбкой.

Дверь закрылась вместе с прощанием: «Спасибо за гостеприимство». Тут же повисла тишина.

Шум телевизора, ранее незаметный, теперь казался очень громким, и я поспешил выключить его.

Я потянулся за чашками на столе, чтобы убрать, когда...

* Дин-дон *

Прозвенел дверной звонок.

Я еще не говорил с Кей, поэтому вряд ли она заявила ни с того ни с сего. Тогда кто бы это мог быть? Задавшись вопросом, я открыл дверь.

За порогом стояла Ичиносе, почему-то вернувшаяся одна.

— Извини, Аянокоджи-кун, кажется, я забыла у тебя телефон...

Вот и выяснилась причина. Судя по всему, дело в простой забывчивости.

— Телефон? Где ты его оставила? Я принесу.

— Так, я думаю, под столом. Мне правда очень и очень жаль.

В том, что Ичиносе забыла телефон, нет ничего необычного. Телефон в повседневной жизни очень важен, мы проводим с ним много времени, тем не менее его очень легко неумышленно оставить где-нибудь. Но при этом вспоминаешь о нем тоже очень скоро.

Кей часто забывает телефон у меня, а потом в панике бежит его возвращать.

— Подожди немного, — оставил я Ичиносе у входа, после чего пошел проверять под столом.

И да, в глаза сразу бросился телефон на месте, где сидела Ичиносе.

Я вернулся примерно через десять секунд и отдал его ей.

— Спасибо. И еще раз извини за беспокойство.

— Ну тогда еще увидимся.

— Да... Мы можем немного поговорить?

Мы говорили совсем недавно и долго, и все же девушки, похоже, всегда найдут тему. Не удивившись, а, скорее, убедившись в этом, я согласно кивнул.

— Если нас увидят оставшихся наедине, могут неправильно понять, поэтому давай закроем

дверь, — сказал она, ни к кому не обращаясь, потом обернулась и потянулась к замку, но тут же передумала. — Нет, не стоит. Если кто-то увидит, что мы заперлись... будет еще подозрительнее.

И правда, то, что мы остались наедине, — еще ни о чем не говорит. Тем более одноклассники Ичиносе были у меня всего несколько минут назад.

Если же закрыться в комнате только нам вдвоем, ситуация меняется. Будет казаться, будто нам есть что скрывать, будто мы делаем что-то постыдное.

— Мако-чан и остальные ушли. Я сказала, что забыла у тебя телефон, и если даже нас кто-то увидит, смогу оправдаться этим.

Не похоже, чтобы она думала вслух. Она словно бы объяснялась.

Она хотела запереть дверь, но передумала. И также назвала причину.

— Ты намеренно забыла телефон, чтобы остаться наедине со мной?

Должно быть, Ичиносе ждала именно такого ответа, потому что она улыбнулась:

— А что думаешь ты, Аянокоджи-кун?

Я не ждал, что она сразу скажет, зачем пришла на самом деле.

— Скорее всего, моя версия верна. Так ты сделала это намеренно?

После повторного вопроса Ичиносе не удержалась и опустила голову.

— Я хотела побыть с тобой, Аянокоджи-кун. Только ты и я, в каком бы виде это ни произошло... Тебе не мерзко?

— Мерзко? Почему?

— Почему?... Потому что я пришла и говорю подобному парню, у которого есть девушка...

Довод легче понять, если поменять нас местами. Было бы неудивительно, если парня сразу признали бы сталкером. Однако это зависит от того, что думает другая сторона. Если питает отвращение, то это обидчик, если наоборот, нет.

— Я думаю, страннее было бы с твоей стороны идти в открытую к парню, у которого есть девушка. Можно сказать, ты проявила осмотрительность.

Если бы она напросилась без уважительной причины, объясниться перед Кей было бы непросто, и это поставит под удар наши отношения. Но когда такая причина есть, можно сослаться на форс-мажор, даже если мы остались наедине.

— Правда?.. То есть, тебе правда не мерзко?

— Да.

Наверное, лишь об одном я думаю при виде такой Ичиносе.

Мне стало еще более любопытно.

Любопытство, да.

Она робко подошла ближе и прижалась к моей груди.

— Это курьез... Я просто споткнулась и чуть не упала, а ты помог мне... Так?

— Ага. Не вижу оснований это отрицать.

После моего ответа Ичиносе, хотя я этого не мог видеть, словно бы улыбнулась.

— Я так тебя люблю, что ничего не могу с собой поделаться, Аянокоджи-кун... Я ни в кого раньше не влюблялась. Но такое чувство, что это моя первая и последняя любовь... Странно, разве нет?

Ичиносе вела себя смело, что невозможно было представить раньше, когда мы только познакомились. И противоположный пол может увидеть в этом нечто привлекательное.

Влюбленность Ичиносе — ее движущая сила. Именно чувство любви позволяет ей выявлять невиданный потенциал и с помощью него проделывать желаемый путь.

Неизменная доброта Ичиносе.

Чтобы нарушить идиллию, я готовил радикальные элементы в виде Канзаки и Химено, но тут произошла неожиданная перемена. Конечно, это не плохо, а очень даже хорошо. Это позволит подойти к развитию ее класса с двух сторон.

Изначально был только один путь — прямой и с высокими шансами на провал. Именно поэтому я проделал новый, чтобы поднять вероятность выживания класса.

Но Ичиносе изменила первый, наиболее вероятно, неудачный.

Изменила настолько, что на данном этапе мне трудно сказать, приведет он к успеху или нет.

От ее волос доносился неопишимо манящий аромат. И дело было не столько в средстве для мытья волос, вроде шампуня.

— Если бы мы только учились не в разных классах, то смогли бы больше времени проводить вме...

И тут...

Без какого-либо стука или оклика дверь в мою комнату резко распахнулась.

— Извини, Аянокоджи, мне все же нужен небольшой совет по личному...

Заявившимся оказался Ватанабе, одноклассник Ичиносе, который всего мгновение назад был у меня.

Ичиносе определенно приготовилась к непредвиденным обстоятельствам. Она предусмотрела, что кто-то может внезапно прийти.

Но чего она не учла, так это отсутствие хоть минимальной вежливости — стука в дверь.

Я сам не ожидал, что дверь просто возьмут и откроют.

От такой внезапности немудрено оцепенеть.

Ичиносе изумленно обернулась, не в силах отойти от меня.

— Э?.. Ч...

Ватанабе, опрометчиво открывший дверь, казалось, был удивлен сильнее всего.

Прошло всего несколько секунд, но они показались десятками.

Тепло от тела Ичиносе, передававшееся через одежду, вдруг исчезло.

Такую близость не объяснишь простой случайностью или совпадением. И оправданием «она споткнулась» не отделаешься.

Ватанабе сперва, может, и не понимал, в чем дело, но много времени у него не заняло.

Разумеется, не я один осознал всю серьезность нынешнего положения, Ичиносе также.

Наверное, дальнейшая судьба будет зависеть от реакции Ватанабе.

По крайней мере мне тут мало что можно сделать, так пускай решают они.

— О... А, э-э, ну... извините... что не постучал... Тогда... пойду-ка я!

В такой безнадежной ситуации Ватанабе решил повернуться спиной, сделать вид, что ничего не видел, и убежать.

Он уже закрывал дверь, но Ичиносе среагировала быстрее. Она не дала захлопнуть дверь.

— Ватанабе-кун.

— К в-вашихм услугам! — ответил он, нехарактерно вежливо, и встал на месте.

— Ты не хочешь зайти?

— Не совсем... просто... я вам помешаю... и мое дело... оно не такое важное!

— Можешь, пожалуйста, зайти?

— К-конечно...

Ичиносе стояла лицом к Ватанабе, поэтому было неясно, какое выражение у нее было, но когда она обернулась, то я увидел прежнюю улыбку и спокойствие. Не было ни паники, ни волнения.

Появление Ватанабе определенно застало ее врасплох. Тем не менее она, судя по всему, мгновенно переключилась и сообразила, как нужно действовать.

Как только Ватанабе зашел в прихожую, Ичиносе закрыла дверь и спросила у меня разрешение запереть ее.

Если раньше закрытие двери на замок могло повлечь проблемы, сейчас, когда вместе с нами еще и Ватанабе, неприятностей не будет.

Очевидные решения в нормальных обстоятельствах, но принимать их с таким спокойствием в экстренных — стоило отдать ей должное.

— Пройдемте внутрь.

Все же в прихожей тесновато для разговора втроем. Я пропустил Ичиносе и Ватанабе, которые зашли в гостиную.

Его эмоции легко читались по напряженному лицу. А вот мы — те, кто и должен был запаниковать — оставались невозмутимы. И понятно, что Ватанабе пугала эта невозмутимость.

Без телевизора на фоне в комнате повисла необычайная тишина.

Ватанабе, добровольно севший в сейза, казался неживым.

— Касательно случившегося, это сделала я. Аянокоджи-кун ни в чем не виноват.

— Н-н-несомненно. Да, это определенно факт и по-другому быть не могло.

— Мне не нравится твоя покладистость.

— И-извини...

— Я обнимала его. Ты все видел, а значит, уверена, понимаешь, что я натворила, — спокойно подтвердила Ичиносе, и Ватанабе только и мог, что несколько раз кивнуть. — Я поступила неправильно. И некрасиво. Но Ватанабе-кун, я понимаю, ты не из тех, кто вредит со злым умыслом. Я знаю, ты не станешь распространяться об этом лишь затем, чтобы загнать человека в угол.

Ичиносе не пыталась просто заставить его замолчать. Она побуждала проникнуться ее чувствами раскаяния и мук совести.

В случае Ватанабе это оказалось гораздо эффектнее, чем запугивание и затыкание рта.

— Мне очень жаль, Аянокоджи-кун... я поступила крайне эгоистично.

— Ничего страшного.

— Рада это услышать, но если Каруизава-сан узнает, она разозлится... Или, вероятно, сильно-сильно опечалится. Я готова понести любое наказание!

Ичиносе должна осознавать, что я не стану ее наказывать.

Она подавила Ватанабе на девяносто девять процентов и теперь работала над последним процентом. Это соотносится с моим анализом слов Ичиносе, ее психологии. Но насколько все это было выверено — остается под вопросом. В ее мыслительный процесс могло вмешаться бессознательное «я». Неясно, насколько сильно вмешалось, и не факт, что даже мне под силу это выяснить.

На некоторое время снова воцарилось молчание.

Но вечно так продолжаться не могло.

— Как бы то ни было, вам лучше будет вернуться, — призвал я.

Ичиносе как будто этого и ждала, она пробормотала согласное: «Да, пожалуй».

Но Ватанабе не вставал и не шевелился. Он вроде успокоился, тогда в чем же дело?

— Ватанабе?

Когда я окликнул его, он глубоко вздохнул и посмотрел на нас с Ичиносе.

— Прежде всего, мне стоит перед вами извиниться. Было грубо с моей стороны входить, не постучавшись. Мое будущее молчание никоим образом не оправдывает меня, но... Я вернулся к Аянокоджи, потому что хотел совета и... ну, рассказать о том, что случилось у меня в средней школе...

Кстати, я ведь и правда не спрашивал, зачем Ватанабе вернулся.

— Что же, тогда я пойду.

— П-постой. Ичиносе... если ты не против, я бы хотел, чтобы ты тоже послушала.

Предложение было внезапным, но Ичиносе не могла отказать в разговоре, поэтому снова села.

Совет. Ватанабе начал рассказ о своем прошлом.

— На моем втором году в средней школе меня ждала судьбоносная встреча. После перетасовки классов я почти сразу подружился с одной девочкой. Вообще все началось с того, что мы просто сидели рядом, и она назвала меня забавным. Мы постепенно сближались друг с другом. Когда мы оказались в одной группе в школьной поездке, я понял — это судьба.

Его история любви. Быть может, это была не первая влюбленность, но сомневаться не приходится, она играет важную роль для Ватанабе.

— «Наверное, я ей даже нравлюсь», — думал я, учитывая, насколько близки мы стали. Но я тогда не знал... что она уже встречалась зазорным парнем из класса на той же параллели. Я влюблялся в нее все сильнее и даже не догадывался об этом.

Безответная любовь. Можно сказать, наша с Ичиносе и Кей ситуация, разве что есть различие по полу.

— Я говорил с ней по телефону каждый день: о всяких мелочах и до позднего часа...

Создавалось впечатление, что воспоминания не были радостными. Судя по выражению его лица, они были полны горечи.

— И в один такой телефонный разговор произошло нечто замечательное. Я изрядно удивился! Представляете, она сказала, что я нравлюсь ей. Как же я был счастлив, просто на седьмом небе... «А я тебе?», — спросила она в ответ. Даже не знаю, сколько времени ушло у меня на то, чтобы сказать, что она мне тоже нравится... Я потерял дар речи на добрых пять минут.

Он посмеялся, уничижительно, слегка смутился, а затем опечалился.

— Она ведь встречалась с другим? — спросила Ичиносе.

«Измена» — первое, что приходит в голову, но Ватанабе сразу это отверг:

— Нет... Вроде как тот парень ее бросил. Не знаю, когда именно, но подозреваю, что отношения у них не заладились примерно тогда, когда мы начали болтать по телефону.

Выходит, ей понравился Ватанабе, с кем была близка, когда она стала полностью свободна. Если так, то проблем никаких, это естественное развитие.

— На тот момент я не знал о ее прошлых отношениях, но даже если бы узнал, едва ли озабочился бы: все-таки благодаря тому, что ее отшил тот жизнерадостный парень, она полюбила меня. Тогда же я ни о чем не догадывался и был на седьмом небе.

И потом Ватанабе начал встречаться с той девушкой.

Так как они все еще учились в средней школе, отношения не стали достоянием общественности, они встречались в тайне. Разговаривали по телефону, иногда ходили в гости друг к другу. Кажется, все шло гладко.

— Мы поцеловались два раза, понимаете, да? Правда, оба раза инициативу брала она...

Он скорее устыдился, чем засмутился.

Тем не менее все пошло наперекосяк, когда Ватанабе перешел на третий год. Произошла перетасовка классов, они с той девушкой оказались в разных. В тот класс попал лучший еще с начальной школы друг Ватанабе, и он, видимо, влюбился в ту девушку.

Что было дальше, представить несложно.

— В итоге... Она позвонила мне и в слезах извинилась! «Прости, мы больше не можем быть вместе»... Вот так. Признаться по телефону и расстаться тоже по нему. Забавно, а?

Затем она начала встречаться с лучшим другом Ватанабе.

— Я понимал, ну с кем не бывает... Но справиться было трудновато. Однако сильнее всего меня поразило, когда спустя несколько месяцев мой лучший друг, смеясь, рассказывал, что бросил ее.

Отношения Ватанабе с той девушкой держались в тайне. Поэтому его друг, вероятно, поступал так не со зла. Конечно, нельзя исключать и того, что он знал обо всем и смеялся намеренно.

— Любовь меня пугает... Я думал, что больше никого не полюблю, но стоило поступить в эту школу, и у меня возникли чувства... Сразу напрашивается: «Что за фигня?», да?

Ватанабе, яркий и оптимистичный. Казалось, он просто стесняется в вопросах любви, но по воспоминаниям о его прошлом напрашивался совсем другой вывод.

— Ну, как-то так. Это мое постыдное прошлое, про которое я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал. И я, ну... надеюсь, вы поверите мне... Я не стану никому рассказывать о произошедшем сегодня.

Обмен секретами. Наверное, для Ватанабе это было самое большее, что он мог предложить.

Он избавился от ненужного козыря и тут же заявил о своей безоговорочной капитуляции.

— А спросить совета я хотел... ну... по поводу девушки, которая мне нравится. Никакого прогресса нет, не подумайте, просто... Знаете, временами возникает желание поговорить с другом, обсудить, что и как?

Как выглядело со стороны их общение с Амикурой? Привлекал ли он к себе ее внимание? Заинтересовал ли? Вот в чем он хотел убедиться.

— На самом деле я хотел вернуться почти сразу. Но Ичиносе сказала, что забыла телефон, поэтому слегка задержался... Подумалось, она уже должна была уйти...

Понятно, почему Ватанабе растерялся и пришел в замешательство.

О том, что я могу нравиться Ичиносе, он услышал от Амикуры и Химено. Вряд ли он удивился из-за той сцены, впрочем, сейчас речь не об этом.

— У меня безответная любовь. Ни больше, ни меньше. Мако-чан и Чихиро-чан знают, что мне нравится Аянокоджи-кун.

Она призналась, но не себе, так как не могла больше скрывать. Однако такое признание не было весомым, поскольку, как она сказала только что, об этом и так знало несколько человек.

— Когда я вернулась за телефоном, поддалась порыву.

— В-вот как... Порыву, значит... — понимающе кивнул Ватанабе, но, ясное дело, растерянность никуда не ушла.

Речь шла об Ичиносе. Будь то безответная любовь или что-то еще, для нее сделать такой смелый шаг с человеком, состоящим в отношениях с другой девушкой, — уже из ряда вон выходящее.

— После разговора мне кажется, я стала лучше понимать тебя, Ватанабе-кун. Тебе нравится Мако-чан, верно?

— Э-э?! С ч-ч-чего ты взяла?!

— Достаточно просто понаблюдать. Тем более в последнее время ты постоянно следишь за ней взглядом.

Это было заметно и на сегодняшнем сборе, и заметила наверняка не только Ичиносе.

Ватанабе не мог скрыть неудержимый пыл и пристальное внимание к ней.

— Мако-чан, насколько я знаю, до сих пор питает какие-то чувства к бывшему однокласснику из средней школы. Но поверь, она хочет открыть новую страницу любви. Разумеется, я не знаю, на кого будут направлены ее чувства, но скажу так: мне будет намного спокойнее, если с ней будешь ты, ее лучший друг.

Это сделка Ичиносе по любви. Ватанабе искал прощения в раскрытии прошлого, а она подстраховывалась. Рассказала о текущей ситуации с Амикурой и, если понадобится, она даже выступит в качестве мостика между ними.

Может, Ватанабе и робок в любви, но его чувства к Амикуре искренни. И именно из-за искренности он не мог набраться решимости сделать шаг вперед.

Если примет помощь от Ичиносе, сможет расправить крылья в полной мере. Она придаст уверенности как поддержка.

Доверие со ста процентов поднялось до ста двадцати. Эмоционально Ватанабе теперь был полностью под контролем Ичиносе.

— П-правда? Ты так считаешь?

— Конечно! Для начала давай поработаем над тем, чтобы постепенно сблизить тебя с Мако-чан.

— Да-а! — радостно и возбужденно кивнул Ватанабе.

Наверняка он еще не отделался от чувства, будто увидел то, чего не следовало видеть, но рано или поздно это сойдет на нет.

Любовный треугольник, неприглядный поступок. Такие вещи представляют собой лишь дела других людей, мимолетные волнения.

Если Ватанабе, ища внимания, захочет раскрыть секрет, станет врагом Ичиносе. Если будет молчать — получит союзника в ее лице.

Когда выгода очевидна, человек, само собой, будет стремиться извлекать ее. В конце концов, если на его любовь ответят взаимностью, вся трясина трагедий, будь то по моей вине или Ичиносе, не имеет к нему никакого отношения.

Она предотвратила возможную катастрофу и естественным образом изменила ситуацию в свою пользу. Ичиносе догадывается о подозрительной активности Канзаки. И Ватанабе, склоняющийся на сторону реформиста, внезапно полностью перешел на сторону Ичиносе.

Я снова должен подумать.

В планах было побудить Канзаки и остальных изменить класс, но, кажется, Ичиносе уже начала менять его без моего вмешательства.

Сложно сказать, приведет это к укреплению класса или сделает его еще более хрупким.

Раз так, возможно, стоит понаблюдать до конца учебного года...

Часть 3

Было около восьми часов вечера.

Оставшись наедине в своей комнате, Хашимото глубоко вздохнул.

— Ну, конечно же, от нее ни слуху ни духу. Надо же, какая внезапность, она намерена беззаботно столкнуться с экзаменом.

Даже если ничего не делать, вероятность победы, учитывая прошлые успехи, высока. Семьдесят, может, восемьдесят процентов. Сакаянаги в этом смысле надежна, она способна обеспечить себе первое место, в худшем случае второе.

Но этого не будет хватать вечно.

Чтобы гарантировать будущее в классе А, очень важно сделать то, что сделать нужно.

Набравшись решимости, я позвонил Сакаянаги. В этой схватке и будет определен курс действий.

— Очень редко ты мне звонишь в такое время, Хашимото-кун, — услышал я голос Сакаянаги на фоне тихой классической музыки.

— Прости за поздний звонок, принцесса.

— Не имею ничего против. Тебе что-то понадобилось?

Спокойная манера речи намекала на то, что у нее была возможность поговорить.

— Чаепитие сегодня мне очень понравилось, но мне бы хотелось сообщить тебе парочку нужных вещей. Я покопался немного, так вот, одна определенная опасность не

вырисовывается. Подумал, стоит сказать, чтобы ты не переживала.

В начале затравка. С ее помощью проверить реакцию. Не спешить, не суетиться. Я неоднократно прокручивал диалог в голове, когда вернулся в общежитие.

— О какой опасности идет речь?

Она знала, но равнодушно делала вид, что нет.

Одно дело, поступай Сакаянаги так с врагом, и совсем другое — с, можно сказать, сторонником. Она наслаждалась тем, что делала все сама, и не желала слушать ничью другую информацию.

— Очевидно же, нет? Союз трех классов против класса А. Если они объединятся, смогут взять под контроль большое количество очков. Играй мы честно, и победы нам не видать.

— Ты опасаешься чего-то очень незначительного.

Незначительное — так она описала противостояние трем классам. А я ведь нервничал еще когда выяснял, есть признаки объединения или нет.

— Опасаюсь, да. Может, ты не видишь в этом объединении угрозы, принцесса, зато я вижу. Они могут сконцентрироваться только на классе А.

— Все три класса отчаянно хотят подняться в класс А. На этом специальном экзамене они будут стремиться заполучить очки. Никто так просто не станет объединяться, лишь бы сбить класс А.

Я понимал, о чем она говорит. Даже если класс А займет последнее место, это не сбросит его с пьедестала. В особенности классам Ичиносе и Рьюена так и вовсе выгоды почти нет. Им также нежелательно, чтобы победил класс Аянокоджи и Хорикиты.

— Если только за кулисами кто-то не дернет ниточки, которые позволят этому случиться.

Если Аянокоджи именно такой человек, как я составил о нем мнение, ему под силу сделать все.

— Я не отбрасываю возможности объединения полностью. И все же скажи, надо ли было звонить мне, только чтобы сообщить об этом?

Она будто бы говорила: «Ты лишь тратишь мое время впустую»...

— Нет, не только. Я бы сказал, начинается самое интересное. Надеюсь, смогу хоть как-нибудь помочь классу.

Я сообщил всю информацию, которую собрал по сегодняшний день для специального экзамена.

Обещание Хорикиты защищать Коенджи. Рьюен связывался с учениками из нашего класса — кем именно, неизвестно — и, возможно, что-то замышляет. Кого в других классах следует подводить под исключение в первую очередь. И другая мелочь, кажущаяся заурядному человеку бессмысленной.

— Вот какие у меня есть сведения по классу Хорикиты.

Я хотел показать свое воодушевление. Продемонстрировать, что делаю все для укрепления класса А.

— Судя по всему, ты усердно поработал, Хашимото-кун.

Желание сбылось, мой пыл вроде передался через телефон.

— А как же. Они набрали огромное количество классных очков, став нашим главным соперником. Я хотел разузнать о них любую мелочь и поделиться этим с тобой, принцесса. Откровенно говоря, было бы лучше именно это обсудить на чаепитии.

— Ты очень старателен. Выходит, твои отношения с Маедзоно-сан — не по любви, а ради сбора информации?

Вот и оно. У Сакаянаги нет ног, зато на ее стороне множество глаз. Я несколько раз ходил на свидания с Маедзоно на людях, поэтому неудивительно, что нас заметили.

Не паникуй, просто спокойно разберись с этим.

— Ну знаешь, это часть стратегии. А откуда ты узнала?

— Мне известно, что в последнее время ты часто с ней контактируешь. Аудиозапись, в которой говорилось о том, что Аянокодзи-кун угроза, — дело рук Маедзоно-сан, не так ли? О ней мне рассказала Масуми-сан.

— Ай-ай, так проболталась Масуми-чан?

В самом деле, меня так инфаркт хватит.

Если бы я не предполагал самого худшего сценария, сейчас бы затрясся от страха.

Камуро осаждать смысла нет, она, скорее всего, спокойно возразит: «Ты не говорил утаивать это от Сакаянаги. Но пускай даже сказал бы, я сама решу, рассказывать или нет».

— В любом случае, принцесса, найди хорошее применение этой информации.

— Я ценю твои добрые намерения. Не уверена, насколько полезны твои сведения, но я обязательно постараюсь что-нибудь из них извлечь.

— Я могу и ошибаться, но такое ощущение, что ты не хочешь ими воспользоваться.

— У меня уже составлена основная стратегия. Я не собираюсь полагаться исключительно на твою информацию. Тем не менее раз уж выслушала ее, над кое-чем нужно поразмыслить.

Нельзя просто сделать вид, что этого звонка не было. И кажется, она не совсем этому рада.

— Моя работа была излишней?

— Да. Неожиданности на специальном экзамене, если они и произойдут, добавят интересности. Ты лишил меня части удовольствия.

Снова эта чушь.

Она считала класс своей собственностью и не старалась бороться за привилегии класса А.

Простое занятие ради развлечения. Только не надо в это втягивать меня!

— Получается, ты гарантируешь, что в этот раз победишь?

— Я не проиграю. Сам увидишь.

Будь дело только в ее позитивном настрое и прошлых успехах, я бы не сильно переживал. Но я собрал слишком много информации. И фигурирование в них Аянокоджи сильно изменило мои планы.

— Вау... Ты уверена в себе, как всегда. Понял, тогда не обращай внимания на все сказанное мной. Я буду наблюдать со стороны, пока нет никаких неприятностей.

Давить смысла нет.

Я позвонил и вывалил все, что мог.

— Да, будь добр. Пока.

Ее тон был обычным, но она, казалось, по ходу разговора начала подавлять неприязнь.

Сакаянаги ненавидела помощь. Она хотела бороться своим умом и с той информацией, какую собрала сама. Потому и досадовала из-за неожиданного приобретения. Не самый лучший исход, но приятный.

— И поделом.

Я нанес ответный удар, но битва не окончена.

Тут-то все и начнется.

Понятия не имею, насколько больше мне понадобится решимости по сравнению со звонком Сакаянаги, чтобы сделать следующий шаг, но я своей стратегией заполучу победу.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/3464795>